

Тань Жун была озадачена вопросом Лю Шу:

— Откуда мне знать? Режиссер мне ничего не говорил. Моя задача — научить вас движениям и оперному вокалу, помочь вам с дыханием. В конце концов, останетесь вы или уедете, зависит от вас, я за это не отвечаю.

Цинь И, который все еще тренировал сценический шаг, услышав, что Лю Шу говорит что-то несущественное, остановился, выпрямился и начал тренировать технику пальцев, спокойно проговорив:

— Тань Жун учит только технику пальцев и сценический шаг, тебе действительно не нужно появляться в кадре. Что касается наших совместных действий, ты, вероятно, будешь выступать в маске или вуали.

Лю Шу нахмурился.

Его беспокоило не то, будет ли его лицо снято. Он не любил стоять перед камерой, боялся множества глаз, устремленных на него. Даже если бы он захотел, он не знал, сможет ли он спокойно выступать. Эта реакция стала для него привычкой за многие годы, можно даже сказать, что это была тень.

Весь день Цинь И повторял технику пальцев, сценический шаг и другие движения, а Лю Шу сидел на ступеньках перед домом, наблюдая за Цинь И, не двигаясь, подперев щеки руками. Он не шевелился и не произнес ни слова уже два часа.

Утром Тань Жун за один раз объяснила все движения, которые нужно было выучить за три дня, и ушла. К вечеру её все еще не было видно, а перед деревянным домом не было света, и с наступлением темноты можно было видеть только при лунном свете.

Цинь И, видя, что уже стемнело, закончил тренировку и подошел к порогу дома. На земле стоял железный чайник и две миски для еды. Цинь И налил воды в миску, выпил, затем повернулся к Лю Шу:

— Ты так просто сдался?

Лю Шу все еще смотрел на то место, где только что тренировался Цинь И, и, покачав головой, ничего не сказал.

Цинь И сложил миски, взял чайник и, держа миски, поднялся и посмотрел свысока на Лю Шу, который сидел опустив голову.

— Если не хочешь сдаваться, относись серьезнее. Пойдем есть.

Лю Шу послушно встал, и они пошли в гору один за другим.

Не успело пробить девять вечера, как Лю Шу уже лег спать на кан. Посреди ночи он открыл глаза, повернув лицом к стене, и увидел, что Цинь И лежит на кане в полуметре справа от него. В комнате не было света, и в кромешной тьме можно было разглядеть только силуэт человека.

Осторожно спустившись с кана, он надел пальто, открыл дверь и вышел из дома. Посреди ночи он не знал, куда идти, и бесцело бродил, пока не оказался за домом, где обнаружил навес с тусклым светом внутри.

Лю Шу остановился и, чувствуя учащенное сердцебиение, через две-три секунды побежал к навесу. Подойдя ближе, он облегченно вздохнул.

— Для чего это? — Лю Шу осмотрел строение вокруг навеса и подумал, что отверстие для огня, вероятно, ведет к их комнате. — Это для кана? Неудивительно, что там так тепло, оказывается, здесь разводят огонь.

Он вошел в навес, сел прямо на землю, прижал колени друг к другу, спрятал руки в рукава и, склонив голову, уставился на пламя в отверстии. В голове снова и снова всплывали движения, которым учила Тань Жун, и образ Цинь И, тренирующегося. Через десять минут тело согрелось, и Лю Шу начал отрабатывать технику пальцев. Закончив все движения дважды, он выглядел удроченным, обнял ноги, а глаза покраснели.

Когда душа спокойна или тело утомлено, начинают приходиться разные мысли — и радостные, и печальные.

В этот момент вокруг стояла такая тишина, что было страшно. Это не походило на удовольствие, которое он испытывал, раньше работая в поле или лентясь. По крайней мере, тогда дома был кто-то, с кем можно было поесть и поделиться переживаниями. В первый год после приезда в городе рядом был Да Гэнь, с кем можно было поговорить, иногда они бегали в гости к Чэнь Юйши. Весь год тяжелой работы они жили надеждой вернуться домой на Новый год.

— Зачем я сюда приехал? У неё вокруг так много людей, где уж мне тут пригодиться? Просто самовлюбленность.

Снаружи навеса раздались легкие шаги, и Лю Шу быстро высунул голову. За навесом стоял Цинь И с недоуменным выражением лица.

Цинь И спал, но внезапно проснулся от звука открывающейся двери. Открыв глаза, он увидел, как Лю Шу закрыл дверь, и подумал, что тот пошел в туалет, но шаги направились за дом. У Лю Шу с самого дня было плохое настроение, и Цинь И не понимал, что с ним происходит. Вспоминая его прошлое, то, что он видел со стороны и вблизи, казалось, немного отличалось.

Он думал, что Лю Шу просто вышел прогуляться и скоро вернется, но прошло уже больше получаса, а ночью температура опустилась ниже нуля. Выйдя из дома, можно было замерзнуть насмерть, поэтому Цинь И оделся и вышел посмотреть, куда он делся.

Подойдя к задней части дома, он удивился, не увидев никого. Обычно ночью навес был освещен, но сейчас света не было. Цинь И подумал, что дрова сгорели, и хотел добавить огня, но, подойдя ближе, увидел, что внутри сидит человек.

О чем он думал весь день, что посреди ночи решил прийти сюда греться?

— Тебе в комнате недостаточно тепло, что ты пришел сюда?

— Я тебя разбудил? Извини, — Лю Шу сидел у очага, а Цинь И стоял снаружи, глядя на него. Вспомнив, как Лю Шу весь день сидел в ступоре, Цинь И не удержался от нравоучения.

— Ты приехал сюда с определенной целью, и сейчас сдаваться — это не по-мужски. Будь решительнее. Если уж решил, не меняй так легко свои намерения. Если хочешь уйти — уходи скорее.

Цинь И говорил спокойно, а Лю Шу поднял голову и, не злясь и не грустя, посмотрел на него.

Лю Шу встал и вернулся в комнату.

Цинь И подошел к навесу, увидел, что огонь в очаге все еще горит, и тоже вернулся в комнату. В комнате не было света, и Цинь И, сняв пальто, лег обратно на кан.

Лю Шу, лежа под одеялом, услышал, что Цинь И вернулся, звук снимаемой одежды, а затем то, как тот забрался на кан и расправлял одеяло. Лю Шу подумал, что Цинь И всегда был резким с людьми, но теперь, став соседом по комнате, если их отношения станут ближе, он боялся, что это может стать предметом сплетен, и даже не хотел думать об этом.

Звезда, ставшая другом — что хорошего в этом?

В душе он копил много слов, и радостных, и печальных, но не знал, с кем можно поделиться. Хотя он не знал этого человека по-настоящему, но трудно было поверить, что он станет слушать чью-то болтовню.

Да, некоторые люди увлеченно говорят о себе, но не умеют слушать. Тот, кто будет слушать тебя, обязательно найдется, но вряд ли это будет этот человек.

Но тот, кто боится одиночества, вдруг оставшись совсем один, от долгого одиночества начинает говорить сам с собой.

Прошло много времени, Лю Шу подумал, что прошло около получаса, и лишь тогда тихо сказал:

— Я и не собирался уходить, я просто думаю, зачем я сюда приехал, есть ли в этом смысл?

Он просто привык вслух озвучивать свои мысли, но, к его удивлению, кто-то ответил, и это был тот, кто обычно одним словом мог обидеть.

— И это повод не тренироваться? Если завтра ты не выучишь движения, послезавтра тебе придется уйти, даже если не захочешь.

Цинь И не открывал глаз, и легкий вздох донесся до ушей Лю Шу, заставив его застыть под одеялом, не смея пошевелиться.

«Почему он еще не спит?»

Раз уж он ответил, Лю Шу не мог притвориться, что не слышал, и, расслабившись, тихо произнес:

— Я не тренируюсь, потому что не могу вспомнить движения. Сегодня днем, наблюдая за тобой, я уже все запомнил, и теперь не могу забыть.

Более того, это полностью засело в подкорке, и когда он ни о чем не думал, движения сами всплывали в памяти.

Цинь И открыл глаза. Оказывается, он не был расстроен.

— Ну что ж, тогда старайся.

Закрыв глаза, Лю Шу больше не сказал ни слова.

На следующий день Лю Шу серьезно тренировался два часа, и Тань Жун сочла, что он справился. Она начала учить его техникам оперного вокала и дыхания.

Лю Шу был заинтересован в этом и имел талант. Тань Жун только начинала объяснять, а он уже все понимал. Но с дыханием иногда приходилось считаться с физической формой, а у Лю Шу было слабое дыхание, и ему нужно было немного укрепить тело.

— Режиссер вчера проверял тебя и сказал, что ты сдал, но проблема с коротким дыханием все еще не решена. Он посоветовал тебе тренироваться со старшими братьями в боевых искусствах.

— С теми двадцатью людьми? — Лю Шу был шокирован настолько, что даже забыл о радости от успеха.

Тань Жун покачала головой, зная, что Лю Шу ленив, и некоторые вещи лучше не говорить в шутку, чтобы он не воспринял их всерьез.

Лю Шу не был слишком тщеславным, но и не был бесстыдным. В критический момент, если дело было ему невыгодно, он быстренько уходил.

<http://bllate.org/book/16834/1548463>